

Уважаемые читатели! Перед Вами – глава из будущей книги Б.Ю. Старцева «Хроники образовательной политики 1991–2011». В этой главе изложены идеи, разработанные группой Высшей школы экономики (ректор Я.И. Кузьминов) и отражающие ключевые пути развития образования в русле «Стратегии-2020».

Образование в русле «Стратегии-2020»

В 2008 г. была утверждена Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. («Стратегия-2020»). Однако из-за кризиса часть планов и идей, заложенных в документе, оказалась не вполне реалистичной, и в 2010 г. было принято решение о разворачивании большой экспертной дискуссии в целях доработки документа. Предполагалось разработать несколько вариантов политики по каждому из секторов («набор разумных развилок»), оценив ресурсы для реализации этих вариантов, и подготовить «дорожные карты» действий правительства по решению ключевых проблем страны на ближайшие десять лет. При этом эксперты исходили из ограниченности ресурсов (в прежней версии программы данный фактор не учитывался), просчитывали возможные реакции на изменения различных социальных групп. В своем обращении к разработчикам Ярослав Кузьминов подчеркнул: «Мы обязаны рассматривать реакции социальных групп на те или иные решения, их социальные последствия. Например, очевидно, что реформа школы не может не наступать на интересы существующего корпуса учителей. Общество не сумеет обновить

школу, оставляя неприкосновенными эти сложившиеся интересы».

В начале 2011 г. за дело взялась 21 экспертная группа. Две из них – № 7 «Рынок труда, профессиональное образование, миграционная политика» (руководители – Ярослав Кузьминов и ректор «Сколково» Андрей Волков) и № 8 «Новая школа» (руководители – проректор ВШЭ Исак Фрумин и ректор Шанинки, а с сентября 2011 г. профессор ВШЭ Анатолий Каспржак) – начали готовить предложения по дальнейшему развитию системы образования. Очередной этап стратегического планирования представлял собой масштабную и абсолютную прозрачную для общественности работу. Так, группа «Новая школа» проводила семинары еженедельно, вписавшись в формат традиционных вторичных семинаров Института развития образования ВШЭ.

В обе группы вошли около 200 экспертов из сферы образования и смежных областей – фактически была сформирована «сборная команда» по образованию, о необходимости создания которой для успешного проведения реформы еще в 1997 г. говорил штатный оппозиционер член-корреспондент РАО Александр Абрамов. Тематика обсуждений для рабочих групп формировалась не столько по отраслевому признаку, сколько по проблемному. Так, группа № 8 обсуж-

дала не просто ситуацию в общем образовании, но и проблемы подрастающего поколения, различные аспекты социализации детей и молодежи; группа № 7, как и следовало из ее названия, – связи между профессиональным образованием, рынком труда и миграцией. Уже на первых этапах обсуждения были заданы два возможных фокуса образовательной политики: социализация детей и формирование человеческого капитала.

Исак Фрумин акцентировал внимание на еще одном обстоятельстве: «Когда мы говорим о разработке конкретных механизмов, надо учитывать одно базовое противоречие, уже давшее о себе знать на заседании одной из групп: мы хотим, чтобы система нашей социальной жизни была не хуже, а лучше, чем в Европе, при том что наш ВВП на душу населения существенно ниже, чем там. Очевидно, что мы не сможем добиться такого же уровня жизни теми же средствами. Поэтому встает вопрос, а есть ли у нас какие-то конкурентные преимущества, интересные подходы, чтобы мы могли добиться таких же – или лучших – результатов другими способами за меньшие деньги».

ФОКУС № 1: ШКОЛА КАК РЕСУРС СОЦИАЛИЗАЦИИ

Разработчики стратегии констатировали, что в общем образовании налицо ситуация постоянно нарастающего несоответствия школы требованиям семей. И хотя семьи по инерции все равно отдают детей в школу, дети практически перестают учиться к IV–V классу. Резко падает авторитет школы, а значит, и интерес к учебе, вовлеченность в дела школы. Семьи стали более образованными, чем раньше, у них очень высокие ожидания. И это проблема не стандартов и программ, а прежде всего учителя. За прошедшие два десятилетия школа так и не вернула себе функцию воспитания, которую потеряла с крахом СССР, и для того, чтобы школа работала на социализацию человека, готовила его к жизни в обществе, в предстоящее десятилетие она должна вернуть себе эту функцию. В вопросах воспитания у школы нет серьезных альтернатив – другие детские сообщества, клубы могут охватить в лучшем случае 5–10% школьников. Но воспитание должно быть совершенно

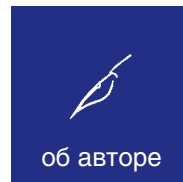
иным, чем в Советском Союзе, – школьники должны научиться договариваться между собой, искать информацию, кооперироваться, выдвигать координаторов и руководителей и пр.

В тех разделах проекта «Стратегии-2020», где речь идет об образовании, представлен очень широкий спектр идей – как относительно новых, так и уже обсуждавшихся при разработке предшествующих программных документов. Многие тезисы, касающиеся школы, носят технический характер, но некоторые предложения являются принципиальными.

Во-первых, предлагается вернуть формы школьного самоуправления, и неважно, как их называть – клубом дебатов, школьной дирекцией или иначе. Речь идет о самоуправлении именно самих школьников, причем не только в рамках школы. Задачи, которые решают детские коллективы, могут быть самыми разными, в том числе не связанными с учебным процессом.

Во-вторых, необходима индивидуализация образовательных траекторий. Школа должна быть интересной, а это возможно только в том случае, если она будет учитывать персональный интерес, персональные особенности каждого ученика через развитие системы личных достижений. Отсюда необходимость последовательного доведения олимпиад и конкурсов до более младших школьников, вплоть до III–IV класса; каждый ребенок, в них участвующий, сможет создать свое портфолио. Вне зависимости от того, понадобится ли оно при поступлении в вуз, он будет им гордиться, рассказывать о своих успехах в сетевых сообществах таких же увлеченных людей. Таким образом, в школу вернется креативное начало, потерянное в тот период, когда развитие школы перестало опережать развитие культуры семьи.

В-третьих, школьнику нужно дать прикладные социальные навыки – иностранный язык, основы экономики, юриспруденции, чтобы человек умел понять и защитить свои права. Перечень коммуникационных навыков, необходимых для социализации, меняется каждое десятилетие, и школа не должна препятствовать их получению, пусть даже сама за ними не поспевает. Отсюда

об авторе

Б.Ю. Старцев, ведущий редактор журнала «Вестник образования» Минобрнауки РФ, руководитель редакции образовательных новостей дирекции по порталам Высшей школы экономики, советник директора ФИРО

необходимость «интернетизации», открытость новым коммуникационным форматам.

В-четвертых, школа должна прививать базовые навыки здорового поведения. Современная школа людей калечит – делает их сгорбленными, близорукими, нервными, и это означает, что должна быть существенно повышена доля предметов, связанных с обязательным физическим воспитанием. Если дети занимаются физкультурой каждый день, это серьезный вклад в человеческий капитал и дополнительные пять лет активной жизни для каждого человека. А сейчас помимо того, что к физкультуре есть некое брезгливое интеллигентское отношение, уроки зачастую проводятся неадекватно, поэтому интересный предмет превращается в профанацию.

В-пятых, это профильная школа – обеспечение реальной профилизации в старших классах.

И шестое – повышение доли креативных предметов. Детей не учат творить руками, тем самым отталкивая от творчества, от нормального развития значительную часть наших граждан, потому что далеко не все люди способны зарабатывать деньги головой, кто-то это делает руками. Для этого необходим особый талант, и его нужно развивать в школе.

Эти задачи разработчики стратегии считают исчерпывающими для образовательной школы. Есть ряд условий, при которых их можно решить, – прежде всего, обеспечение эффективного контракта с учителем, создание ИТ-инфраструктуры. Что касается эффективного контракта, то предлагается довести среднюю зарплату учителя до 115% от средней по региональной экономике. В равновесной ситуации стопроцентное соответствие было бы достаточным, но поскольку предстоит и дальше менять состав учительского сообщества, устойчивая зарплата должна быть выше. Школа – очень специфический организм со своими механизмами мотивации. Смысл повышения зарплаты в том, чтобы учитель перестал думать о заработке и соревновался с коллегами в других вопросах: тогда появится креатив, учителю станет интересно, а значит – интересно станет с ним.

Эффекты от повышения зарплаты стоит ожидать в среднесрочной перспективе – изменения в школе начнутся лет через 5–7. И материальный фактор – условие необходимое, но недостаточное: помимо того, что в школу придут другие люди, должны запуститься новые механизмы, вынуждающие школу меняться в условиях стремительной потери монополии на социализацию. В школу будут все глубже «забираться» вузы со своими олимпиадами, усилится влияние родителей. В середине нынешнего десятилетия средний класс в России составит больше трети населения, в городах – больше половины, и он начнет по-другому себя вести по отношению к учителям, которые ему не нравятся. Давление будет более жестким, чем сейчас.

ФОКУС № 2: НОВЫЙ БАКАЛАВРИАТ И НОВОЕ ГИФО¹

Основная проблема, названная разработчиками «Стратегии-2020», – разрыв образовательных установок с реалиями рынка труда. Этот разрыв настолько велик, что его нужно ликвидировать нетрадиционными способами, один из которых – внедрение прикладного бакалавриата.

Идея прикладного бакалавриата как программ подготовки квалифицированных исполнителей возникла довольно давно, ее детально рассматривали при обсуждении современной модели образования, и именно тогда Минобрнауки приняло решение о проведении эксперимента по прикладному бакалавриату. Была разработана нормативная база, отобраны участники – более 50 вузов и образовательных консорциумов (вузы+колледжи), и осенью 2010 г. эксперимент начался. Однако уже на этапе разработки идея эксперимента была выхолощена: ничего нового ни в формат высшего бакалаврского образования, включая четырехлетний срок обучения, ни в его содержание не вносилось. Просто половину учебного времени, наполнение которого (и перечень дисциплин, и формируемые компетенции) стандарты третьего поколения оставляют на усмотрение вузов, было решено

¹ ГИФО – государственные именные финансовые обязательства.

посвятить практико-ориентированным курсам. Эксперимент шел отнюдь не гладко (поскольку он не давал отсрочки от армии, на таких «мужских» направлениях, как информационные технологии, служить забрали едва ли не всех студентов), но даже при идеальных промежуточных результатах было бы неясно, какой цели стремится достичь министерство. Фактически программу прикладного бакалавриата мог реализовывать любой вуз, не участвовавший в данном проекте.

При обсуждении проекта стратегии, а также ЕГЭ-рейтингов 2010 и 2011 гг. эксперты стали обращать внимание на произошедшую подмену понятий. Прикладной бакалавриат превратился в практико-ориентированное высшее образование, хотя изначально его суть сводилась к тому, чтобы предоставить человеку возможность выбора: он поступает в вуз, но одновременно имеет возможность выучиться на слесаря. С учетом того, что все родители хотят для своих детей только высшего образования, можно сколько угодно предлагать им ПТУ, выбор рабочей профессии может осуществляться уже после того, как человек начал получать высшее образование. Кто-то на II или III курсе поймет, что хочет доучиться в традиционной вузовской колее и получить диплом бакалавра, а кому-то станет на этом этапе ясно, что лучше получить год или полгода прикладной подготовки, пойти работать, а к академическому высшему образованию вернуться потом, если возникнет такое желание. Но, так или иначе, прикладной бакалавриат должен реализовываться на базе вузов: только вузовская среда позволит готовить квалифицированных исполнителей более высокого качества, чем в ПТУ и техникумах.

В связи с этим возникал вопрос, как дальше, в условиях отказа от начального профессионального образования в новом законе «Об образовании», будет проходить реформа среднего профессионального образования. Ведь, по большому счету, техникумы выполняют столь же негативную социальную функцию, как и ПТУ, они не «оберегают детей от улицы», как это часто говорится, а наоборот – являются местом, где организуются неформальные коллективы

подростков с асоциальным поведением. Дать этим подросткам рабочую специальность в максимально короткие сроки вплоть до полугода и возможность зарабатывать на производстве – единственный шанс обеспечить их нормальное общественное поведение. А обязательное общее среднее образование им нужно давать в школе, где лучше социальная среда и где проще реализовать социализирующую функцию. У ПТУ и техникумов в этой ситуации есть два пути развития: или войти в состав вузов, участвуя в реализации программ прикладного бакалавриата, или превратиться в учебно-производственные центры, где учат профессии, но не имитируют общее образование.

В ситуации, когда высшее образование получает около 85% возрастной когорты, 30% со временем могут перейти в прикладной бакалавриат. А остальные 50% все равно пойдут в академический бакалавриат, который не имеет никакого отношения к профессии, давая человеку общую картину мира через призму укрупненного направления подготовки.

В конце 2011 г. были опубликованы очередные исследования (рейтинги) Высшей школы экономики и РИА Новости, показывающие ситуацию с набором в вузы по итогам ЕГЭ и олимпиад. Основной вывод, обсуждавшийся и на заседаниях рабочих групп «Стратегии-2020», заключался в том, что серьезное высшее образование в России дают лишь несколько десятков вузов, и население начало это понимать. Туда идут обладатели самых высоких баллов ЕГЭ и победители олимпиад, там сохраняется большой платный набор: в вузах, где есть бренд, есть и все остальное. Оставшаяся же часть высшей школы находится в сложном положении – треть государственных вузов попросту умирает, не говоря уже о негосударственном секторе, где нормальное образование дают лишь 10–15 вузов на всю страну.

Почему сложилась такая ситуация? Главной причиной в ходе обсуждения «Стратегии-2020» было названо сохранение контрольных цифр приема, которые Минобрнауки распределяет между всеми государственными вузами. И снова, как десять лет назад, выходом из сложившейся ситуации было названо нормаль-

ное подушевое финансирование в высшей школе, означающее возвращение к идее ГИФО. Речь идет о разных вариантах нормативного подушевого финансирования вузов, но это уже не ГИФО в том смысле, который вкладывали в это понятие изначально. ГИФО образца 2002 г. предполагало соплатежи со стороны семей, а нормативное финансирование их не предполагает – в сфере высшего образования сейчас достаточно денег, а студентов становится все меньше, к тому же идею софинансирования было бы сложно реализовать при действующем Бюджетном кодексе. Теперь более уместной представляется дуальная система: если человек набрал на ЕГЭ достаточное количество баллов (например 55), у него есть право на бюджетный грант для получения высшего образования; если набрал меньше – значит, учится за свои средства. Гранты для ряда университетов с высоким качеством подготовки, в том числе национальных исследовательских, должны рассчитываться с повышающим коэффициентом.

Идея нового ГИФО была одобрена не только экспертами, готовящими проект «Стратегии-2020», но и политиками: фактически ее провозгласил в своей программе «Общероссийский народный фронт» (пусть даже опоздав при этом на 10 лет). На новом витке нача-

лось обсуждение, казалось бы, давно известного тезиса: государство не может радикально изменить структуру высшего образования, действуя административными методами, это по силам только самим абитуриентам и их родителям. Как и в ситуации с учительскими зарплатами, добиваться эффективного контракта для преподавателей вузов (порядка 200% от средней по экономике региона) можно лишь после проведения основных элементов структурной реформы.

«Мы не готовим план развития системы образования, мы описываем возможные пути ее развития, “развилки”, из которых можно выбирать оптимальную стратегию, – сказал мне в интервью Ярослав Кузьминов. – В каких-то секторах такая стратегия уже выбрана, в других, пусть их даже немного, наблюдается низкая корреляция изначально заложенных идей и последующих действий. И тут проблема не в чьей-то злой воле – просто даже если исполнительная власть разделяет наши воззрения, на каком-то этапе они искажаются теми, кто отвечает за конкретные участки работы. Я думаю, что в сфере образования есть большая вероятность реализации предложенных нами идей. Просто нужно более жестко и ответственно проводить их в жизнь».